

Пётр ТКАЧЕНКО

«НОВЫЕ ТРИХИНЫ»

Эта новая напасть, коронавирус (и вызванная им пандемия), наступила для людей совершенно неожиданно. Пожалуй, никто не предполагал, что главная угроза человеку, да что там – роду человеческому, может быть отсюда. Всех охватила непонятная тревога за себя, детей, будущее. Всё, что только вчера казалось таким важным и необходимым, вдруг оказалось никчёмным и ненужным. Растерянность приходила и от осознания того, что напасть эта оказалась *мировой*, бежать от неё некуда.

Несколько оправившись от неизбежной в таком положении паники, люди начали размышлять о том, что же, собственно, происходит. И, надо отдать должное, наиболее проникательные из них скоро поняли, что эта неожиданная напасть имеет не столько медицинскую и физиологическую природу, сколько какою-то иную: неведомую и трудноразличимую, мировоззренческую, касающуюся самого существа человека, духовную сущность.

Но почему беда обрушилась на род человеческий так неожиданно? Почему она пришла не оттуда, откуда мы её ожидали? Мы ведь полагали, что главная угроза – это война, открытое вооружённое столкновение. Мы ведь и мысли не допускали, что могут наступить такие времена, когда оружие железное может оказаться бесполезным... Ясно, почему всё пришло так неожиданно. Наши современники уверовали в такое устройство этого мира, выдвинули для этого такие упрощённые и даже примитивные идеи, на которых человеческое общество устроено быть не может. И поскольку такие идеи навязывались беспощадно, огнём и мечом, в качестве единственных и обязательных, это не могло не стать источником постоянно воспроизводящихся и внешне вроде бы беспричинных потрясений. Это по природе своей *революционное* сознание, разрушающее всякую традицию, напроочь игнорирующее духовную природу человека, это то ничем не истребимое миропонимание, которое в своей мировоззренческой основе имеет низвержение небесного на землю, реальным признающее только и исключительно материальное. В конечном итоге это то мировое вавилонское строительство, которое, изменяя свои формы, существует всегда. Оно ничем не устранимо в борьбе за

духовную сущность человека в брани духовной. И весь вопрос состоит не в том, что его не должно быть или может не быть, а в том, что, когда оно становится абсолютно преобладающим, наступает то, о чём безвестный автор «Слова о полку Игореве» писал более восьмисот лет назад: «Наниче ся години обратиша». То есть время обратилось своей изнанкой, жизнь человеческая начала терять смысл.

Это искажённое мироустройство навязывалось столь долго и беспощадно, что мир, род человеческий, в конце концов не мог не взбунтоваться. Не мог не взбунтоваться против искажения духовной природы человека, против того, что вавилонское строительство «цивилизации» дошло до момента, когда человек оказался «лишним», оказался препятствием на пути этого «строительства». И тогда по каким-то нам неведомым законам и путям явился коронавирус в наказание за долгий духовный и интеллектуальный блуд, чтобы сбросить эту порочную и губительную парадигму «цивилизации». Наивное мировоззрение полагает, что зло устранимо в этом мире, что когда-нибудь, рано или поздно, но зло будет побеждено и наступит рай на земле. Но зло не устранимо так же, как указание на зло не избавляет нас от него. Сам Господь не только оставил на земле Каина, но и защитил его знамением, печатью...

Это – причина. А как разрешится эта напасть, сумеет ли человеческий интеллект предъявить истинный образ мира или же он будет удушен какой-нибудь «новой», «передовой», «неолиберальной», к примеру, идеологической удавкой, это пока не очевидно. А с коронавирусом земные врачи, как уже не раз бывало при других вирусах, справятся. Духовных же врачей пока не видно. А те, что есть, изолированы от людей информационными технологиями тщательно.

Вся надежда на то, что у нас в России есть некоторый опыт преодоления подобных бед. Ведь при всей новизне этой эпидемии мы нечто подобное уже переживали, переживаем в той или иной степени всегда. И весь вопрос теперь в том, будет ли востребован этот опыт. Этот опыт запечатлён в вершинных творениях великой русской литературы. Но она всё настойчивее вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Несмотря ни на что, ни на какую очевидность этого варварства. В эпилоге романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский изображает то, чем мучился Родион Раскольников после того, когда всё произошло. Ему грезилась некая болезнь непонятная, неведомая земным врачам: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы, идущей из глубины Азии на Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические,

вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе».

Это – «*новые трихины*». Но это же – симптомы нынешнего «бессимптомного» коронавируса, замеченные Ф. М. Достоевским более 150 лет назад... Трудно поверить, но это так. Впрочем, это не ново, так как в нашем российском обществе давно уже сложились странные отношения между словом и делом, то есть собственно жизнью. Во всяком случае, не по евангельской заповеди: «В начале было Слово». Когда в 1909 году лучшие умы того времени за восемь лет до революционного крушения России предсказали его в знаменитом сборнике «Вехи», в это тоже не хотелось верить. Казалось, что точный, интеллектуальный диагноз уберёжет от беды. Не уберёт. Всё произошло, что называется, по писаному. Уберёжет ли теперь, пока не очевидно.

Ведь начавшийся со времён просветителей, Вольтера образ мира, получив полное развитие, обжав свои неизбежные результаты, исчерпал себя, но он всё ещё навязывается и удерживается всей мощью пропагандистских информационных средств, от которых живой человеческой душе спрятаться нигде.

Наступает иной род спасения: спасти не мир, а человеческую душу, с которой устоит и мир.

Впрочем, этот род спасения осознан уже давно, забываемый примитивными и убогими идеями. «Но настал другой род спасения. Не бежать на корабле из земли своей, спасая своё презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасти себя самого в самом сердце государства» (Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990).

Но бежать оказалось, да и было, некуда: «Но куды бежать? Вот вопрос. Европе пришлось ещё трудней, нежели России. Разница в том, что там никто ещё этого вполне не видит: всё, не включая даже государственных людей, пребывает покуда на верхушке верхних сведений, то есть пребывает

в том заколдованном круге познаний, который нанесён журналами в виде скороспелых выводов, опрометчивых показаний, выставленных сквозь лживые призмы всяких партий, вовсе не в том свете, в каком они есть» (Н. Гоголь, 1846).

Что прокричал на это неистовый, точнее, бесноватый В. Белинский? Что Россия видит своё спасение в успехах «цивилизации, просвещения, гуманности»: «Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе». Обозванный не окончившим университетского курса В. Белинским, «великим критиком» революционного XX века, «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов», Н. Гоголь только и мог сказать, что «нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина», что «нельзя, получа лёгкое журнальное образование, судить о таких предметах». И добавил: «Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты...»

Итак, все слова были уже произнесены. Но охваченный невменяемостью поклонник Вольтера их уже не слышал. А там и жизнь заканчивалась...

И вот опять всё произошло по писаному. Как теперь «на руинах великих идей» (Юрий Кузнецов) не думать о том, что эти, чуть более двух веков после Вольтера, может быть, всего лишь малый досадный зигзаг в развитии рода человеческого?..

Как теперь быть нам в России со всем этим интеллектуальным «навозом», отравившим жизнь в XX веке и продолжающим её травить в веке нынешнем? После двух революций в одном веке, после двух крушений государственности. И если крушение России в начале века хоть как-то было мотивировано «передовым» революционным учением, так и не получившим своего развития, то крушение страны во время либеральной и криминальной революции 1991–1993 годов уже произошло, по сути, без всякой мотивации. Нельзя же назвать обоснованием и мотивацией, «учением» набор лозунгов о разрушении восстановленной в советский период исторической России после её крушения в начале XX века. Нельзя же назвать «учением» весь этот интеллектуальный мусор – нигилизм, пресловутое лакейское западничество, выродившиеся в откровенную *смердяковщину*, открытую Ф. М. Достоевским, в поколении «реформаторов» либеральной и криминальной революции, очередных вавилонщиков. Это и вовсе какая-то интеллектуальная и нравственная прострация.

На каких «идеях» совершено разрушение страны? Вот эти «идеи» – смердяковские и ничтожные:

125

«Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой «западного типа» (Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995). Вот цель «реформ» – сменить историческую ориентацию страны и народа. Ну а если этого не получится (а этого получиться не может), не столь жалко будет и самой России: «Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесётся к крушению высокой российской цивилизации». Вот что задумывалось и делалось – уничтожение России.

Но самое печальное состоит в том, что такая смердяковская идеология продолжает преобладать и действовать на государственном уровне и тридцать лет спустя. Правда, она продолжает определять нашу жизнь тайно, по умолчанию, без всяких её деклараций, что только усугубляет наше положение. Как помним, после революции 1917 года «смена вех», «реставрация», то есть строительство новой, никому пока не ведомой государственности началось через семнадцать лет, с 1934 года, что умалчивается и всеми средствами не допускается в общественное сознание. Теперь же и тридцать лет спустя неизбежная смена вех, кажется, и не предполагается. Но чем дольше будет длиться наша мировоззренческая неопределённость, тем горше может оказаться похмелье либеральствующей смердяковщины. Теперь вся надежда на коронавирус, на пандемию, ибо многое совершается у нас в России по присловию: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вся надежда теперь на «новые трихины». Ну а если коронавирус не поможет, возвращение народа, страны, государства к самим себе может оказаться более затыжным и более трагическим...

Нам скажут: но ведь для этого нужна «новая идеология». Разумеется, нужна, но не новая. Без идеологии, то есть без смысла своего существования не может быть общества, государства, страны. Но идеология не бывает на каждый час новой. Она формируется веками, историей, всей судьбой страны и народа. Она же не набор каких-то догматов, как приличнее, не теряя лица, загнать народ в стойло... Она у нас давно есть. Скажем, в одной фразе Н. Гоголя она уже есть: «И этот путь есть сама Россия». Именно эту формулу повторял А. Блок среди революций. Но с идеологией у нас пока полный провал. В таком состоянии никакая экономика не поможет да и невозможна. И тридцать лет спустя пока нет консолидированного ответа на вопрос, что же произошло у нас в стране: революция или контрреволюция? Это ведь не пустая игра слов. Великая русская литература, являющаяся формой народного самосознания, загнанная в рынок, к ней вообще неприменимый, продолжает уничтожаться.

Вырастает уже целые поколения детей в условиях «реформируемого» образования. Это может значить одно: преднамеренная дебилизация детей продолжается. Одичание нашего общества происходит пока неостановимо. Но тогда неизбежно встаёт вопрос: если власть не касается идеологии (литература, философия, искусство), то тогда чего она касается, если от этого зависит всё? Тогда этим занимается кто-то, и в своих интересах? Или она заодно с теми, кто это делает?..

Идеологию не придумывают. Не надо вновь выбирать «передовую» идеологию. Её берут такой, какой она сложилась исторически судьбой страны и народов, в неё входящих.

К этим заметкам о «новых трихинах», которые, как оказывается, не столь «новы», не могу не приложить впечатление о Дне Победы, дне 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В этот день, соблюдая самоизоляцию, пришлось посмотреть фильмы по ТВ. Такие, скажем, как «Ржев». Какое-то неслыханное упрощение, какого не знал даже соцреализм. А главное, примитивная идеологическая озабоченность. Из таких фильмов мы узнаём, что основных противников воевавших солдат и офицеров были не фашисты, а энкаведэшники, причём отличающиеся каким-то абсолютно немотивированным зверством. То есть низвержение советского периода истории всё ещё продолжается. И ясно почему. Надо ведь как-то оправдать варварство и действительные зверства криминальной революции девяностых годов, в иных формах всё ещё продолжающейся. Хотя абсолютно понятно, что, развенчивая и отрицая советский период истории, развенчивают не революционные беззакония начала XX века, а разрушают то, как было это беззаконие преодолено, как созидалась великая держава, ценой какого напряжения народа, каких страданий и жертв. Уничтожается почти вековой опыт страны и народа. Причём развенчивается и отрицается период наивысшего развития и мирового могущества России. Разрушать всё это могут только некие представители странного психологического явления, которое Ф. М. Достоевский определил как смердяковщина.

Конечно, охватывало негодование, что в Праге снесён памятник маршалу И. С. Коневу. Но картина искажения истории Великой Отечественной войны, использования её в сомнительных идеологических играх будет неполной, если мы будем видеть такие искажения только в странах Европы, освобождённых Красной армией от фашизма. Но накануне 75-летнего юбилея Победы не где-то, а у нас в России, в Москве, в самом её сердце, на Манежной площади, разыгралась странная история по низвержению памятника маршалу Победы Г. К. Жукову. Известный, хотя и неудачный, с потаённой симво-

ликой, памятник маршалу работы скульптора В. Клыкова был снят и распилен. На его месте должен был быть установлен другой, более удачный. Но ему, оказалось, не подошёл постамент. В конце концов вернули прежний, клыковский. Но низвержение памятника маршалу Победы Г. К. Жукову в самый канун юбилея Победы происходило. Кто это делал? Какие силы, находящиеся в нашем обществе? На сей счёт нет никаких вразумительных объяснений. Только «многозначительные» неопределённые экивоки (см. Михайлов К. План моментальной пропаганды // Огонёк. 2020. № 12).

Наше негодование против искажения истории Великой Отечественной и Второй мировой войны было бы праведным, если бы это варварство не происходило в нашем обществе, если бы наше либеральное сообщество в 1990-х годах не начало это

гнусное смердяковское дело у себя в стране. Но флаг Победы, переставший быть государственным, был спущен не где-то, а над Кремлём. Но блокада Ленинграда и Сталинградская битва остались уже только в анналах истории, в прошлом, так как блокады Петербурга и Волгоградской битвы не было в истории. А это даёт повод считать, что никаких битв не было вообще... На фоне всего этого правильные и красивые слова о войне, ветеранах и вроде бы благодарность им мало что значат. Этому странно-му явлению, этому варварству должно быть дано точное название, хотя бы то, которое дал ему Ф. М. Достоевский более полутора веков назад: «новые трихины». Без точного диагноза преодоление этой напасти, этой болезни, неведомой земным врачам, невозможно.

г. Москва

